

Мартин
Сутер

Любовь
и ярость

18+

«Любовь, давшая трещину, может стать самым опасным оружием на свете».

NOW VILLAGE

Имена. Зарубежная проза

Мартин Сутер

Любовь и ярость

«Азбука»

2025

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Шва)

Сутер М.

Любовь и ярость / М. Сутер — «Азбука», 2025 — (Имена.
Зарубежная проза)

ISBN 978-5-389-34778-6

Любовь, страсть, искусство, безумие – без одного не может быть другого, и лишь всё вместе образует подлинную гармонию. Или нет? Ной – талантливый современный художник. Он верит: еще немного – и случится его большой прорыв. Камилла же устала ждать и тянуть их обоих на скромную бухгалтерскую зарплату. Им уже тридцать. Она красивая женщина. И она хочет большего. Решившись на разрыв, Камилла пытается отыскать новые смыслы в жизни без любви. Ной же, наоборот, готов на всё, чтобы эту любовь вернуть. Даже на крайне опасную авантюру... И как раз такая сваливается на него в баре, где Ной знакомится с состоятельной пожилой женщиной, скорбящей по покойному мужу. Ведь что есть мораль или закон перед лицом утраченной любви и пусть и призрачного шанса снова быть с женщиной своей мечты?

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Шва)

ISBN 978-5-389-34778-6

© Сутер М., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Первая часть	6
1	6
2	9
3	13
4	16
5	18
6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мартин Сутер

Любовь и ярость

Посвящается Маргрит, Тони и Ане

Martin Suter
WUT UND LIEBE

© 2025 by Diogenes Verlag AG, Zurich All rights reserved

© Набатникова Т., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Первая часть

1

– Я тебе не верю.

Ной распластался на спине, закинув руки за голову. Тонкая простыня, какой они обходились в это время года вместо одеяла, сбилась в изножье, и они оба были нагие. Камилла лежала на боку, опираясь на локоть, так близко к нему, что, если бы она пошевелилась, он ощутил бы её тугую грудь у себя в левой подмышке.

Но она не двигалась. Она разглядывала его вблизи и ждала его следующей фразы, как будто подстерегала. В её дыхании ощущалась нотка алкоголя.

Ной смотрел в потолок и сосредоточился на том, чтобы не моргать. Он недавно обнаружил, что это старание избавляет его от любых других мыслей: только бы не моргать!

– И что с того? – спросила Камилла.

– Я в это не верю, – повторил Ной.

Но это была неправда. Она всего лишь вслух произнесла то, чего он боялся уже давно.

Они были парой почти три года. Внезапной парой, как это всегда называла Камилла. Внезапной, потому что они тогда познакомились в клубе «Ретро», куда оба пришли со своими постоянными спутниками, встретились на танцполе впервые в жизни, уже через полчаса покинули клуб вдвоём и с тех пор жили вместе.

– Посмотри на меня, – приказала она. Он повернул к ней голову и посмотрел в большие глаза, ореховый цвет которых был в крапинках золота. – Ты это видишь?

– Что?

– Спасибо, очень мило.

Она указала красным ногтем себе на внешний уголок глаза:

– Три месяца назад морщин ещё не было, так?

– Их и сейчас нет.

– Я тебе серьёзно говорю: я с тобой расстаюсь.

– Но почему?

– Потому что я больше не могу.

– Любить меня?

– Ерунда, это я могу ещё долго. Но этого недостаточно, ты понимаешь? На всю жизнь не хватит. По крайней мере, мне.

Камилла встала, вышла из комнаты и вернулась с зажжённой сигаретой.

– Ты снова стала курить?

– Вот именно. Ещё и этого не хватало, курить! А ты понимаешь, что это означает? Бессилие и покорность. Мне тридцать один год, и я сдалась. Мне тридцать один, я работаю бухгалтером и, извини уж, содержу на кормлении художника.

Камилла, казалось, сама была испугана потоком своих слов. Она стояла перед кроватью, прижимаясь левым предплечьем к животу и опираясь на него локтем другой руки – с сигаретой.

– Да, ты только взгляни на меня. Я знаю, что хороша собой. Меня раздражают красавицы, которые делают вид, будто не знают этого про себя. Я-то знаю это уже давно. И у меня то же самое, что у других красавиц: они находят несправедливым, что сами они красивые, а жизнь у них некрасивая.

Ной видел, что у неё выступили слёзы. Он встал с кровати и обнял её. Какое-то время он прижимал к себе всхлипывающую Камиллу в их маленькой спальне и шептал ей на ухо:

– Не плачь.

И:

– Всё будет хорошо.

И у него уже начиналась эрекция.

Камилла его оттолкнула:

– Но одного этого недостаточно.

Она пошла в ванную, Ной влез в боксёрские трусы и пятнистую майку, достал из холодильника пиво и поджидал её в прихожей.

Эта квартира в старинном доме досталась им по счастливому случаю. Камилла смогла перехватить её у одной подруги, когда та переезжала к своему парню. Две комнаты на четвёртом этаже, большая старомодная кухня, чугунная ванна на львиных лапах в тесноватом для неё помещении, высокие потолки с лепниной, скрипучий паркет и витиеватые батареи отопления.

На стенах между дверьми, ведущими из прихожей в комнаты и на лестничную площадку, были развешаны его картины. Один и тот же мотив – задний двор с липой – в разных стилях: натуралистическом, импрессионистском, кубистском, в абстрактном и поп-стиле. Эксперимент, который, как он считал, хорошо ему удался, если рассматривать его как поиск художественной концепции.

Камилла уже взяла себя в руки, когда вышла из ванной. Устранила повреждения, нанесённые слезами вокруг глаз, и подрисовала стрелки на веках.

– Давай поговорим, – сказала она и первой прошла в кухню.

Достала последнее пиво из шумного холодильника, который они уже давно собирались заменить, и они присели к кухонному столу.

– Извини, пожалуйста, – начала Камилла, – я старалась в последние дни быть предельно честной сама с собой. С тем результатом, что теперь должна быть и с тобой предельно честной. Я много размышляла о своей жизни и пришла к выводу, что эта жизнь не такая, какой я её себе представляла. К этому выводу я приходила уже и раньше. Но ещё ни разу не задавала себе вопрос, какой я её представляю себе в другом варианте. По крайней мере, до сих пор я не давала себе на это ответа. А теперь я знаю ответ. – Она сделала глоток из бутылки. – Ты хочешь его знать?

– Конечно.

Камилла помедлила лишь чуть-чуть.

– Я хочу жизнь без финансовых забот. Пусть это будет не роскошная жизнь – хотя я не возражала бы и против неё, – а такая, в которой мне не приходилось бы прикидывать, от чего мне придётся отказаться на сей раз, чтобы позволить себе то или это. Жизнь, на которую мне не приходилось бы зарабатывать делом, которое я ненавижу...

Она замолкла, но Ной видел, что она выложила ещё не всё.

– Говори же.

Она набрала воздуха.

– Только не принимай это на свой счёт, но: зарабатывать делом, которое я ненавижу, чтобы дать кому-то возможность заниматься работой, которую он любит.

Ной кивнул потяжелевшей головой:

– Давай подождём вернисажа. Если опять будет облом, тогда я найду себе работу.

– Чтобы у обоих была работа, которую они ненавидят. И при этом жизнь всё равно не станет обеспеченной.

– Но твоя жизнь и без меня не станет обеспеченной.

– Станет.

– Как?

– Я найду себе кого-нибудь с деньгами. Пока я ещё красивая.

Камилла снова расплакалась. Ной потянулся через кухонный стол, чтобы дотронуться до её руки.

Она её отдёргнула.

– Я знаю, что говорю, как какая-нибудь сука. А знаешь почему?

Он молчал.

– Потому что я и есть сука.

2

«Синий тюльпан» находился на полпути от врачебного кабинета кардиолога Джованьоли к трамвайной остановке. Когда Бетти Хаслер вошла в него, ей стало ясно, что под «тюльпаном» подразумевался не цветок, а пивной бокал.

Она села за один из столиков, которые стояли в ряд перед длинной скамьёй с мягкой обивкой. Скамья тянулась по обе стороны помещения; большинство столиков пустовали. Пинкфлойдовский Роджер Уотерс пел про *«ещё один кирпич в стене»*. Как нарочно, именно это! Как нарочно, саундтрек к первому поцелую с Патриком, которого она с тех пор называла Патом.

Тогда шёл тысяча девятьсот восьмидесятый год, а ей тогда как раз исполнилось двадцать. Пат не был у неё первым, но стал последним.

Кельнер, одетый в чёрное и в красном фартуке до колен, спросил, чего она желает. Бетти Хаслер заказала мохито, напиток из тех давних и дивных времён.

Она не была пьющей. Если и принимала что-то алкогольное, то лишь для того, чтобы амортизировать себя, окружить смягчающей оболочкой. Она так себя и представляла: в виде чего-то хрупкого, требующего дополнительной защиты от жёсткой действительности. Например, мягкого футляра, накачанного воздухом. После визита к кардиологу, от которого она как раз шла, эта действительность стала ещё жёстче. А сама она стала ещё более хрупкой.

Кельнер принёс на подносе два мохито. Два больших стакана со льдом и свежей мятой, из которой торчала соломинка для питья.

– Почему два? – спросила она.

– Второй вон для того господина.

Он указал подбородком в сторону молодого человека, сидящего двумя столиками дальше перед опустевшим коктейльным стаканом. Тот с интересом смотрел в их сторону.

Кельнер поставил перед ней её напиток и понёс оставшийся к другому столу. Молодой человек поднял свой стакан, символически чокаясь с ней, и Бетти ответила на его жест.

Музыкальный аппарат заиграл *«Rivers of Babylon»*, тоже песню из времён их начала с Патом. Хорошая наживка, чтобы увести её мысли из настоящего времени в прошлое.

У Пата тогда был старый автобус-фольксваген, который он переоборудовал в кемпер. На нём они и отправились на свои первые летние каникулы в Грецию. Почти всё время они проводили на пляжах, чаще всего нагишом и с греческим анисовым аперитивом.

Пат учился на инженера-механика и зарабатывал себе на учёбу как шофёр такси. Он был на три года старше, рослый, спортивный, с короткой стрижкой, что было тогда совсем не в тренде. Он был чудесным во всех отношениях.

Бетти Хаслер заказала ещё один мохито, и когда кельнер принёс его, на подносе опять стоял второй такой же. Опять для того молодого человека, который снова символически чокнулся с ней.

Снаружи было ещё светло, но внутри «Синего тюльпана» царил сумрак. Почти плотный занавес на больших окнах не впускал дневной свет, чтобы внутри как можно раньше возникало настроение, подходящее для вечернего стаканчика после работы.

Вскоре все столики были уже заняты, музыкальные хиты восьмидесятых и девяностых смешивались с аперитивным разговором людей, отработавших дневную смену. Публика в баре делилась на две категории: компании и одиночки.

Компании приходили целой группой, явно привыкшие каждый вечер завершать здесь рабочий день. В большинстве мужчины, которым приходилось оттягивать возвращение к семейной жизни, чтобы избавиться от фрустрации прошедшего дня. Одиночки сидели со своими смартфонами и пили более системно, чем компанейские, но не меньше них.

Бетти и тот молодой человек были, похоже, единственными, кто сидел тут просто так, предаваясь своим мыслям.

Бетти всегда особо выделяла красивых людей, они отличались от печальных, напуганных и исполненных ненависти. Печальные среди последних были ещё не так плохи. А теперь они ещё и дополнительно выигрывали за счёт музыки – «*Woman in Love*»¹ Барбары Стрейзанд.

Когда-то Бетти и сама была воплощением *влюбленной женщины*. И оставалась ею всю свою жизнь с Патом. Не всегда телом, но душой всегда. Из любовной пары они в какой-то момент стали командой, как это происходит со многими счастливыми парами. Она создавала для него хорошо укрепленный тыл – то, в чём он нуждался всё больше. Потому что он был – и это выявлялось с годами всё отчетливее – не таким сильным, как казался. Но зато хорошим. Мягким и податливым. Из всех инстинктов, которые он пробудил в ней, материнский инстинкт становился преобладающим и всё более важным.

Молодой человек двумя столиками дальше сделал новый заказ. Кельнер кивнул ему и потом вопросительно посмотрел в её сторону. Что бы это ни значило, подумала она и подтверждая кивнула. Когда кельнер явился с двумя напитками, она велела поставить их оба на её стол и попросила его пригласить к ней того второго любителя мохито.

Кельнер посмотрел на неё ошеломлённо, как будто не предполагал в ней такой высокой степени экстравертности, и шагнул к другому столу.

И всё же, всё же она всегда была экстравертом. Больше, чем могла показать это с Патом, сдержанность которого часто граничила с робостью. И который сейчас, например, устыдился бы за себя и за неё.

Она видела, с каким удивлением отреагировал молодой человек, однако с улыбкой встал и подошёл к её столу.

– Присядьте же на минутку, – потребовала от него Бетти. Он подчинился, и они пожали друг другу руки.

– Ной Бах, – представился тот.

– Бетти Хаслер. Я полагаю, не следует пить в одиночку. Тем более одинаковые напитки.

– Пожалуй, вы правы, – ответил он и передал ведение беседы ей в руки. В конце концов, ведь это она попросила его к себе за стол.

Для Бетти это никогда не было проблемой. Она обладала талантом заставлять людей, которых раньше даже не видела, говорить такие вещи, которые те вовсе не собирались высказывать. Её фокус состоял в том, что она ошарашивала их прямоотой. Это срабатывало почти всегда.

– Почему вы решили сегодня напиться, Ной? – спросила она.

Поскольку ответил он не сразу, она добавила:

– А я вам потом скажу, почему это делаю я.

Она подняла стакан, и они чокнулись.

– Любовная тоска, – сказал он. – А вы?

– Тоже любовная тоска.

– Одинаковый напиток, одинаковая тоска.

– Есть много разных видов любовной муки. В вашем возрасте классическая: она больше не любит.

– Нет. Она ещё любит меня. Но она больше не любит нашу жизнь. Вернее так: она её больше не выдерживает.

Бетти смотрела на него, выжидая объяснений.

– Она считает, что я никогда не смогу предложить ей ту жизнь, на которую она надеялась.

– И в этом она права?

¹ «Влюбленная женщина» (англ.).

Он пожал плечами:

– Я не ожидал от неё такого отношения.

– И на что вы живёте?

Ной немного смутился.

– Понимаю, – сказала Бетти.

Он запротестовал:

– Но это лишь временно. Потом я её сменю.

Бетти только улыбнулась.

– А теперь вы. Какая у вас тоска любви?

– Мой муж умер.

– О. Мне очень жаль. Недавно?

– Да. Года три с небольшим. Если вам кажется, что это давно, вы ошибаетесь. Это всегда будет «недавно».

– Понимаю.

– Нет. Вам не понять, и я не желаю вам это понимать. Возьмём ещё по одному?

– Лучше нет, – ответил Ной.

– Я угощаю.

– Тогда с удовольствием, спасибо.

– Так и продолжим с мохито? Или хотите что-нибудь другое для разнообразия?

– Например?

– Коктейль «Куба либре».

– Годится.

Пока они ждали свои напитки, их голоса отдохнули.

Уровень шума в «Синем тюльпане» так поднялся, что им пришлось повысить громкость своего разговора больше, чем было соразмерно содержанию. За некоторыми столами посетители теснились на скамье, а к другой стороне стола придвинули свободные стулья от других столов.

Кельнер принёс два «Куба либре», декорированные ломтиками лайма. Они чокнулись.

– Я никогда не бывала на Кубе, – сказала Бетти скорее себе, чем Ною.

– Я тоже не был, – ответил он.

– Но вы ещё успеете, вы молодой.

– Тридцать три.

– На тридцать с лишним лет моложе.

– Шестидесят пять нынче тоже не возраст.

– Если есть здоровье.

– А у вас нет?

Вместо ответа Бетти сделала глоток.

Ной смотрел на неё и думал, не спросить ли у неё разрешения написать её портрет. Пролонговатое, узкое лицо, гордая осанка, большие, затуманенные глаза, в этом свете неопределимого цвета – она выглядела уже как написанная. Только меланхолию, окружавшую её, было трудно уловить.

Он задал вопрос, который не решился бы задать без напитка:

– Как умер ваш муж?

– Он был убит.

Ответ последовал так быстро и был исполнен такой ненависти, что Ной содрогнулся.

– Убит?

– Да. Мучительно, жестоко, медленно.

– И кто же это сделал, ради всего святого?

– Петер В. Цаугг.

Ной ждал разъяснений, но Бетти снова вернулась к своему напитку и поднесла его к губам. Сделала два-три глотка – как лекарство, которое ей приходилось принимать.

Это имя, Петер В. Цаугг, было знакомо Ною. То был коллекционер. Не крупный, но, если бы он купил картины Ноя, Камилле больше не пришлось бы работать бухгалтером.

– Вы знаете, кто это?

– Коллекционер искусства, не так ли?

– Ха! Он – и коллекционер? Ну, купит иногда картину, чтобы позадаваться. Но в искусстве ничего не смыслит. Как и во многом остальном.

– Я думал, он успешный бизнес-консультант?

– Не он. Это «Цаугг & партнёры» – действительно успешный бизнес-консалтинг. И не благодаря ему. Угадайте с трёх раз, благодаря кому.

– Вашему мужу?

– Вот именно.

– И тот его действительно убил? – спросил Ной, которому теперь стало ясно, что это, может быть, не надо понимать буквально. – Но почему?

– Потому что больше не нуждался в нём.

– И как он его убил?

– Так, как это делают в его кругах. Он его эксплуатировал, изматывал, обманывал, изводил, поднимал на смех и бессовестно использовал его скромность.

– То есть, значит, не буквально убил.

– Нет, для этого он слишком труслив. Он выбрал куда худшие методы. Подлые.

Они не заметили, как к ним подошёл кельнер.

– Не хотите ли что-нибудь съесть? – спросил он.

В «Синем тюльпане» стало уже спокойнее. Те посетители, что были после смены, уже разошлись по домам, и за многими столами принялись за еду.

Кельнер протянул им меню с закусками.

Бетти заметила нерешительность Ноя.

– Я закажу. А вы мой гость.

– Спасибо. В моей профессии заведено принимать такие приглашения.

Он взял меню, окинул его взглядом и отложил.

– Вы здесь часто бываете? – спросила Бетти.

– Я тут живу неподалёку. – И горько уточнил: – Жил.

Бетти не обратила на это внимания.

– И можете что-то порекомендовать?

– Гамбургеры тут сносные.

– А смешанный салат?

– Вероятно, тоже неплох.

Кельнер принял у них заказ. Как только он отошёл за пределы слышимости, Ной спросил:

– И что же сейчас с боссом вашего мужа?

– Он жив и здоров.

Она сделала гневный глоток.

3

«Синий тюльпан» опустел, лишь несколько столиков оставались заняты. Заведение не было обеденным, еда здесь служила скорее поводом для коктейлей, столовых вин, послеобеденного дижестива и медленного накачивания алкоголем.

Голоса стали тише, и слегка взвинченная музыка создавала правильный звуковой фон для доверительных вечерних разговоров.

Кельнер убрал их недоеденные тарелки и принёс бутылку шампанского, которую Бетти непременно пожелала заказать.

– Это освежает после плохой еды, и в нём меньше алкоголя, – сказала она.

Они смотрели, как официант откупоривал их бутылку. Было заметно, что в этом у него нет опыта.

Бетти пригубила шампанское.

– Тёплое, – сказала она.

– Отнести ещё немного охладить? – спросил кельнер.

– Это будет слишком долго, принесите кубики льда.

Она смотрела ему вслед, укоризненно качая головой:

– Пат считал большим грехом лёд в шампанском! – Она нежно улыбнулась своему воспоминанию: – Пат...

Кельнер принёс лёд и хотел бросить кубик в бокал Бетти.

Она взяла у него из рук щипцы и медленно погрузила лёд в бокал. Шампанское вспенилось, и только когда пузырьки полопались, она выпустила кубик из щипцов.

– Вот так это делается. Иначе вспенится через край.

Кельнер обиженно удалился.

– И как давно ваш муж работал у «Цаугт & партнёры»?

– С самого начала. Когда фирма ещё называлась «Хаслер & Цаугт», по именам двух основателей, в алфавитном порядке. – Она сделала паузу. – И по их значению!

Бетти погрузила кубик льда и в бокал Ноя.

– А почему и как название поменяли?

– К ним добавился младший партнёр, и Цаугт немедленно пришёл к идее назваться «Цаугт & партнёры». Якобы из-за длины фамилий.

Ной посмотрел на неё.

– Я знаю, о чём вы хотите спросить. Ответ будет такой: потому что Пат не мог настоять на своём. Он был слишком уступчив. А Цаугт наоборот.

Она осушила свой бокал и хотела долить себе. Ной забрал у неё бутылку и сделал это сам.

– Вскоре после переименования Цаугт убедил моего мужа, что, поскольку фирма носила его имя, он теперь должен иметь маленький перевес голосов. Пат поддался и на это. И с тех пор всё решал уже только Цаугт. Пат тянул на себе всю лавочку, а Цаугт изображал босса и снимал сливки. Свинья такая.

Она отпила глоток.

– И как долго ваш муж сносил это?

– Тридцать восемь лет, – прошипела Бетти. – До своего третьего инфаркта. В шестьдесят пять лет. Упокоение вместо ухода на покой.

– Третьего?

– Первые два он пережил. И, конечно, оба раза слишком рано опять возвращался к работе.

– А почему, Бога ради?

Громкость ответа Бетти перекрыла музыку, а любовная парочка через три стола повернула к ним головы.

– Потому что Цаугг без него оказывался в полной заднице! В полной!

Ной снова задал вопрос, который не задал бы трезвым:

– Почему же тогда Цаугг стремился его погубить, если так нуждался в нём?

– Он хотел его лишь заклевать, потому что Пат интеллектуально превосходил его. Убить его он захотел только тогда, когда решил продать лавочку. Потому что на это по-прежнему требовалось согласие Пата. Пока он был жив.

Ной кивнул:

– Понятно.

– Цаугг пытался уговорить Пата выйти из дела. Но для Пата это была единственная тема, в которой он не уступал. Никогда бы не уступил. Фирма была его жизнью. И Цаугг позаботился о том, чтобы Пат был ещё больше завален работой, чем прежде. Он пахал день и ночь, в выходные и праздники. Я и раньше-то редко его видела, а тут почти совсем перестала видеть. А если видела, то он спал или тупо смотрел в пустоту перед собой.

Бетти допила своё шампанское. Кельнер подбежал и долил им обоим.

– Он даже умер не дома.

Она достала из сумочки платок и промокнула слёзы, которые вдруг потекли у неё по щекам.

Ной утешительно прикрыл ладонью её руку. Теперь она всхлипнула.

Потребовалось некоторое время, чтобы она снова смогла заговорить. Её фраза гласила:

– Я напилась допьяна.

– Ничего. Я тоже.

Она ответила смесью пьяных всхлипов и хихиканья.

Не столько из интереса, сколько чтобы сменить тему, Ной спросил:

– И как теперь чувствует себя Цаугг?

– Он лишь название фирмы и свадебный генерал. А управляют фирмой «Цаугг & партнёры» его люди.

Бетти Хаслер снова расплакалась.

Потом она взяла себя в руки и покорно закончила:

– Но мне уже недолго осталось.

Ной искал, что на это ответить. Не успел он ничего найти, как Бетти сказала:

– Я только что от врача, кардиолога, его приёмная тут неподалёку. – Она показала в неопределённом направлении. – Меня сюда направил домашний врач. Я даже на один пролёт подняться не могу без остановки. Сердечная недостаточность. Оно может остановиться внезапно.

– Это у всех так, – сказал Ной.

– Но у меня с большей вероятностью.

Она махнула кельнеру рукой:

– Счёт, всё вместе, и такси.

Они ждали молча, пока кельнер не вернулся со счётом.

– Машина будет через десять минут, – сказал он.

Входная дверь стояла открытой, подпёртая клинышком, но входящий воздух был ещё жарче, чем внутренности «Синего тюльпана». Несмотря на яркое уличное освещение, на тёмном небе виднелись звёзды.

Поредевшее к вечеру уличное движение было неторопливым, как будто не хотело нарушать тишину.

Они молча ждали такси.

Оба держались на ногах нетвёрдо.

– Знаете, какое у меня всегда было сокровенное желание?

Ной помотал головой.

– Чтобы Цаугг сдох раньше меня.

– Понимаю вас.

– Но после сегодняшнего визита к врачу я знаю, что у меня нет времени ждать. Я должна этому поспособствовать.

– Что вы имеете в виду?

– Покончить с ним.

Фары осветили поворот улицы, из-за угла показалось такси.

Бетти порылась в сумочке, достала визитную карточку и протянула ему:

– Если вы знаете кого-нибудь, кто исполнит это для меня чисто и надёжно, позвоните.

Но это должен быть профи. Я оцениваю дело в половину того, что мне оставил Пат.

Перед ними остановилось такси.

– Один миллион.

Ной помог ей сесть в машину. Потом смотрел ей вслед – и увидел в небе над машиной чёрную башню из туч, в которой сверкнула молния.

Световой знак свободного такси погас.

4

Камилла в китайском халате сидела за кухонным столом, перед ней стояла большая чайная чашка – детская, с зайчиками. Окно кухни стояло распахнутым, а в нескольких окнах соседнего дома ещё не погасили свет.

Чашка была лет на пять младше Камиллы, но старела не так бесследно. В нескольких местах она была залатана, из швов выпирал валик засохшего клея. Её часто роняли на пол, одна только ручка отламывалась дважды. И оба раза мать говорила: «Кто смог сломать, должен уметь и починить». И маленькой Камилле это действительно всякий раз удавалось.

Своего отца Камилла никогда не знала и предполагала, что матери он тоже неизвестен. Матери было восемнадцать, когда родилась Камилла, и первые пять лет девочка росла с матерью-одиночкой. Потом мать вышла замуж за водопроводчика, Камилла его не любила, и он её тоже. Он был постарше матери и, к счастью, так был занят созданием собственной фирмы, что почти не бывал дома. Мать помогала ему в бизнесе, как это называл отчим. На самом деле она и вела все дела, доведя предприятие до численности в тридцать шесть человек.

Когда отчим вышел на пенсию, они продали фирму и переехали на Солнечный берег в Испании. Камилла навестила их всего раз. Неохотно, потому что отчуждение с годами только накапливалось. Через три дня она съехала из их гнетущего дома в их гнетущем посёлке, что было на несколько дней раньше запланированного. Все трое испытали от этого лишь облегчение.

Она отпила глоток чаю и спросила себя, почему она так привязана к этой дурацкой чашке. Может, потому что чашка не давала ей скучать по матери.

Она услышала шаги на лестничной площадке и тут же звук ключа, который пытался открыть незапертый замок. Должно быть, он был не вполне трезв. Она оставляла свет в коридоре гореть, как всегда, когда была ещё на ногах, а дверь стояла незапертой. Она чувствовала себя в этой квартире в безопасности и не любила запираяться. Она считала это недружественным актом, ведь это означало бы, что она исключает Ноя.

– Ты ещё не спишь? – спросил Ной. В рабочие дни Камилла ложилась рано.

– Я беспокоилась.

– За своего будущего бывшего? – язвительно спросил он, достал из холодильника пиво и подсел к ней.

– Лучше бы ты взял «Алка-Зельцер».

Ему понадобилось несколько попыток, чтобы открыть пиво, он сделал глоток и отставил бутылку с преувеличенным выдохом облегчения.

Они долго смотрели друг на друга. Как будто им было нечего или, наоборот, много чего сказать друг другу.

Наконец Камилла пожала плечами и разочарованно опустила их.

– Я знаю.

– Но всё равно это делаешь.

– Я должна.

– Чепуха.

Камилла закрыла глаза и мягко помотала головой:

– Возможно, я слишком долго занималась этой работой. Я теперь смотрю на жизнь глазами бухгалтера. И с этой точки зрения у меня ничего не сходится. Дебет с кредитом. И не подождёшь, когда сойдётся. Надо что-то делать. Хотя это причиняет боль. Иначе в итоге всем будет ещё больнее. Ты понимаешь?

Камилла поднялась, села ему на колени, обняла за шею и поцеловала.

– Идём. – Она повела его за руку в спальню и раздела.

Четверть часа спустя они лежали рядом на спине.

– Такого со мной ещё никогда не бывало, – сказал Ной.

Камилла улыбнулась:

– Стандартная фраза всех мужчин, когда это происходит.

Он повернулся на бок, к ней спиной.

– Ты и правда слишком погрязла в своей бухгалтерии.

В раскрытое окно теперь брызгал дождь, отскакивая от косо поставленных планок закрытых ставней.

– Где ты был так долго?

– С одной женщиной.

– Ах вон оно что.

Порывы ветра стегали дождём по ставням, и яростный удар грома заставил их вздрогнуть. Раньше они бы сыграли в испуг и прижались друг к другу. Теперь нет. Теперь Камила лишь спросила:

– И как её зовут?

– Бетти.

– Стриптизёрша какая-нибудь?

– Ей шестьдесят пять.

Камилла засмеялась. Он повернулся к ней и посмотрел на неё серьёзно:

– Правда. Вдова, она получила сегодня фатальный диагноз, и ей нужно было с кем-нибудь напиться.

Камилла молчала.

– Как и мне, – добавил он.

Она погладила его по щеке и примирительно поцеловала в губы.

Он обнял её обеими руками и ответил на её поцелуй ещё жарче. Может быть, она передумала, может, решила по-другому. Может...

Она мягко отстранила его:

– Я не про это. Расскажи.

Он доложил:

– Её мужа нещадно эксплуатировал его деловой партнёр и в итоге угробил. Теперь она ищет кого-нибудь, кто этого партнёра прикончит, пока она ещё жива. За миллион.

Камилла села в кровати, мотая головой:

– Я сейчас принесу тебе «Алка-Зельтцер», ты заснёшь, и твой хмель пройдёт.

5

Лиз, как всегда, опоздала. Камилле пришлось с боями сохранять для неё свободный стул в хорошем месте у окна и близко к стойке, и свой овощной сок она уже почти допила, хотя растягивала на подольше. А если пойти за новым, то потеряешь места.

Вегетарианский ресторан самообслуживания находился вблизи множества офисов и магазинов и в обеденное время был перегружен. Камилла часто здесь обедала: близко от работы, недорого и разнообразно.

Наконец-то Лиз вошла в дверь, вытянула шею, обнаружила Камиллу, засмеялась, помала издали и стала пробиваться к её столу.

Лиз была лучшей подругой Камиллы. Они водили знакомство ещё со школы, и хотя Лиз окончила школу на два года раньше, они не теряли друг друга из виду. Лиз стала изучать юриспруденцию, потому что её отец внушил ей: если не знаешь, какую профессию выбрать, изучай юриспруденцию. Тогда станешь кем хочешь.

Через два года она бросила учёбу и занималась то одним, то другим, чем придётся.

Камилла же после школы стала изучать экономику, которую тоже через два года повесила на гвоздь и стала работать, чтобы накопить денег на полугодовое странствие по Азии вместе с Лиз.

– Извини, пробки. – Лиз поцеловала Камиллу и села рядом.

– С каких это пор ты водишь машину?

– Не я. Он.

– Кто?

– Серж.

– Мне полагается его знать?

– Нет. Мне бы тоже лучше не знать. Кто идёт в буфет первой?

– Ты. Иначе я опять расстроюсь, что взяла не то же, что ты.

Она смотрела вслед подруге и снова любовалась уверенностью, с которой та загружала свой поднос. Она не протискивалась вперёд, но другие просто автоматически её пропускали. При том что Лиз не отличалась импозантностью. Она была скорее изящного сложения, небольшого роста и носила почти классические, простого покроя костюмы. Если бы не её дикая грива, она могла бы сойти за даму. Если такое вообще бывает: хитренькая дама.

Она вернулась с порцией карри из овощей, жареными на шпажках кусочками темпе и муссом из манго. И сказала:

– Я не начну есть без тебя.

Камилла вернулась с тем же набором и села на табурет рядом. Лиз с улыбкой покачала головой, и они пожелали друг другу приятного аппетита.

– Я это сделала. Вчера.

Лиз поперхнулась:

– Правда? И как он это воспринял?

– Не поверил.

– Так я и думала. А при каких обстоятельствах?

– После секса.

Лиз засмеялась:

– Тогда я понимаю его неверие.

Камилле было не до смеха:

– Я больше не хочу, не хочу с ним спать. Я просто больше не хочу с ним жить.

– Не так-то это просто.

Камилла вздохнула:

– Я знаю.

– Надо ли мне напоминать тебе о другом решении?

– Нет. Для меня это не решение, ты же знаешь.

Лиз пожала плечами:

– Тогда желаю тебе успеха в поиске того, кто обеспечит тебе ту жизнь, какую ты себе представляешь. И кто будет соответствовать и другим твоим требованиям к мужчине. Интересный, остроумный, интеллигентный, сексуальный, что там ещё?

– Холостой.

Они обе рассмеялись.

– Нет, серьёзно, – продолжала Камилла, – через десять лет мне будет сорок один. Знаешь, какие короткие эти десять лет? Мне вот только что было двадцать. У меня остаётся не так много времени на то, чтобы изменить свою жизнь. Если я не сделаю это сейчас, я это не сделаю уже никогда.

– Ты могла бы включиться в мой бизнес, имела бы работу, которая доставляла бы тебе удовольствие, а если повезёт, то и доход, с которым ты могла бы и дальше спонсировать Ноя. Говорю тебе это в последний раз. И закончим на этом.

– Спасибо.

– Я знаю, что ты думаешь. Но на сей раз получится. Концепция хорошая, и бизнес-план тоже. Иначе банк не выдал бы мне кредит.

– Да я и не думаю, что твоё агентство молодёжной моды не будет иметь успех, но ты же сама говорила: если повезёт. Я и сама довольно долго полагалась на везение, теперь же я хочу действовать наверняка.

– Назови мне хоть что-нибудь в жизни, для чего не требуется везение.

– Смерть.

Лиз обняла Камиллу за плечи и привлекла к себе:

– Ах, дорогая, вот поэтому я и хочу тебя к себе в компаньоны: за твою находчивость.

Камилла улыбнулась и, закрыв глаза, на миг приникла к ней головой.

– А Ной? Как у него дела?

– Вчера он явился пьяный. Кутил в «Синем тюльпане».

– И много выпил?

– Много. С одной дамой шестидесяти пяти лет.

– Ах, да что ты!

– Вдова. Она как раз шла от врача, получив очень плохой диагноз. Теперь она хочет – перед тем как умрёт – расквитаться с тем человеком, который виноват в смерти её мужа.

– Похоже, у Ноя был весёлый вечер.

– Ещё бы!

Они продолжали есть свой ланч и обе старались больше не говорить ни о расставании Камиллы с Ноем, ни об агентстве моды Лиз, чтобы не перебивать друг другу аппетит.

Потом они отнесли свои подносы к сдаче грязной посуды и вернулись к своей работе.

Только Лиз – с удовольствием.

6

Настоящее имя Бернарда Химмеля²

² Химмель (Himmel) – по-немецки «небо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.